

К вопросу о критерии разумности в российском гражданском праве

Вопрос об определении содержательного признака используемого отечественным законодателем понятия «разумность» является центральным и, пожалуй, самым сложным из всех других аспектов проблемы разумности в гражданском праве. Его сложность заключается, прежде всего, в необходимости выявить объективный критерий рассматриваемой категории, ибо только в этом случае можно будет рассчитывать на единообразную практику применения норм, содержащих понятие «разумность» и служащих масштабom оценки поведения участников гражданских правоотношений.

В современной юридической литературе разумность ставится в один ряд с такими понятиями как логичность, рациональность¹, здравомыслие, экономичность², целесообразность³. Из всех указанных категорий непосредственно связанной с разумностью, отражающей ее содержание и приемлемой с позиций использования в цивилистике представляется целесообразность, которую и предлагается рассматривать в качестве критерия разумности.

Мы исходим из того положения, что даже будучи привнесенным в область права, любое понятие, в том числе «разумность», обретая отраслевую специфику, должно сохранять свое общенаучное, исходное значение. Поскольку разумность (как производное от понятия «разум») можно определить как

¹ См.: Клочков А. А. Стандартные (общие) условия договоров в коммерческом обороте: правовое регулирование в России и зарубежных странах. Дисс. ... к. ю. н. М., 2000. С. 142.

² См.: Белов В. А. Добросовестность, разумность и справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 50.

³ См.: Там же; Клочков А. А. Указ. соч. С. 142.

присущую человеку познавательную способность упорядочивать, систематизировать имеющиеся знания о вещах и явлениях, а также обнаруживать связь последних и *действовать целесообразно* этой связи¹, одним из таких существенных признаков, который должен учитываться при использовании понятия «разумность», является целесообразность. Указанное понимание разумности (как способности действовать целесообразно) привлекательно с позиций права уже хотя бы потому, что регулирующее воздействие последнего направлено именно на действия субъектов.

Что касается иных предлагаемых учеными понятий (логичность, рациональность и др.), то они хотя и близки по смыслу понятию «разумность», но их использование в области права нуждается в массе оговорок, в связи с чем, на наш взгляд, является не вполне удачным. Так, например, логичность не может быть названа критерием гражданско-правовой разумности, поскольку в данном случае разумным следует признать любой «вполне закономерный», последовательный поступок², в том числе нарушающий норму права или права и законные интересы третьих лиц. Критерием разумности не может выступать и рациональность, т. к. данное понятие (по сравнению с понятием «разумность») является более широким по содержанию и включает в себя как собственно разумность, так и рассудочность³.

¹ См.: Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М., 2002. С. 383.

² См.: Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 331.

³ О необходимости разграничения разумности и рассудочности см., напр.: Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: Учебник. М., 1996. С. 228-229; Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971. С. 446; Философская энциклопедия. Т. 4 / Гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1967. С. 460.

Понимание целесообразности не всегда было одинаковым, и, в конечном счете, определялось содержанием категории «цель», которая, начиная с выхода в свет работы Р. Иеринга «Цель в праве», выступала в правоведении и как самостоятельный объект исследования¹, и анализировалась в связи с рассмотрением других категорий в работах общетеоретического характера².

В классических трудах русских юристов цель рассматривалась не столько как элемент актов реализации права (наряду с интересом, мотивом, волей), сколько с точки зрения правового воздействия на поведение субъектов. В качестве цели правоведа называли человека, обеспечение его интересов и интересов общества в целом³. «О праве, как цели для самого себя, не может быть и речи, – писал Ю. С. Гамбаров, – Оно служит всегда средством для целей, лежащих вне его области»⁴.

Целесообразность понималась и в значении «полезности». Например, Д. Д. Grimm, классифицируя «конкретные юридические отношения», писал: «одни из них признаются *общественно-целесообразными*, другие – *общественно-вредными*»⁵. Аналогичное значение, но только с позиций применения права, придавал целесообразности Е. В. Васильковский, который определял ее как соответствие нормы права той цели, которую преследовал законодатель, а также как соответствие нормы «существо определяемых ею отношений», т. е. «практиче-

¹ См., напр.: Казакевич Т. А. К вопросу о классификации целей (возможность, действительность и цель) // Вестник ЛГУ. № 11. Вып. 2. 1965. С. 145-151; Чулюкин Л. Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань, 1984; Чунаева А. А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). Л., 1979; Шундилов К. В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект). Дисс. ... к. ю. н. Саратов, 1999.

² См., напр.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1908. С. 36 и сл.; Историческое и логическое в познании государства и права / Под ред. А. И. Королева. Л., 1988. С. 126 и сл.

³ См., напр.: Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 75.

⁴ Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. I. Часть Общая. СПб., 1911. С. 23.

⁵ См.: Grimm Д. Д. Лекции по догме римского права. СПб., 1916. С. 74.

скую полезность» нормы и ее «пригодность для удовлетворения потребностей жизни»¹.

В послереволюционный период содержание целесообразности принимает ярко выраженную классовую окраску. Речь уже идет не об «общем благе», «полезности», которые традиционно для советского права критикуются как идеологическое оправдание нарушения буржуазной законности², а о революционной целесообразности, понимаемой как «совокупность основных задач советской власти»³. Целесообразность рассматривается как «необходимое условие, требование законности при осуществлении права», как «такое осуществление права, которое обеспечивает в рамках закона достижение его цели наилучшим, наиболее эффективным способом»⁴. Можно утверждать, что в этот период целесообразность мыслилась только в рамках законности, отождествляемой, в свою очередь, с правомерностью.

Для того, чтобы установить истинное значение категории «целесообразность» необходимо, прежде всего, выявить значение и смысл соответствующего данной категории термина. В русском языке термин «целесообразность» означает соответствие поставленной цели⁵. Однозначное, на первый взгляд, определение можно, однако, истолковать по-разному: в зависимости от того, что понимать под поставленной целью. Цель, как известно, может поставить перед собой либо сам действующий субъект – тогда она будет существовать как

¹ См.: Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. С. 86.

² См., напр.: Рабинович П. М. Социалистическая законность и целесообразность в советском праве. Дисс. ... к. ю. н. М., 1965. С. 267.

³ Дябло В. Буржуазная законность, советская законность и революционная целесообразность // Советское право. 1926. № 6 (24). С. 36.

⁴ См., напр.: Рабинович П. М. Указ. соч. С. 265, 280.

⁵ См.: Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 872.

на уровне «чувственно-образных представлений о результатах деятельности», так и в виде суждений о целях деятельности; либо цель может быть поставлена перед субъектом другим лицом (группой лиц) – и тогда она выступает только в виде суждения¹.

В первом случае речь идет о *личной* цели субъекта, и в этом смысле любое поведение участников гражданских правоотношений, за редким исключением (например, юридических поступков), следует признать целесообразным². В таком понимании целесообразность пронизывает все сферы человеческой деятельности, являясь «важнейшей характеристикой любой общественной практики»³.

Вместе с тем, с таких позиций целесообразным будет и неправомерное поведение, т. к. главное здесь – чтобы действие соответствовало цели, поставленной субъектом самому себе, независимо от того, соответствует ли эта цель правовым предписаниям или противоречит им. Однако гражданское право, как отмечал К. Д. Кавелин, «не есть исключительная область индивидуальной воли и свободы. Оно столько же создание необходимостей разного рода, – общественной, государственной и природной, физической, – сколько нашего личного усмотрения и произвола»⁴. Иными словами, стремлению достичь определен-

¹ См.: Чунаева А. А. Указ. соч. С. 116.

² «Так как юр. сделка есть действие *разумного* существа, то совершающий ее всегда имеет в виду какую-либо особую *цель* (курсив наш – Ю. В.)», – отмечал Ю. Барон (Барон Ю. Система римского гражданского права / Пер. Л. Петражицкого. Вып. I. Кн. I. Общая часть. СПб., 1909. С. 153. Сохранено авторское написание текста).

³ Шундилов К. В. Указ. соч. С. 32.

⁴ Кавелин К. Д. Что есть гражданское право и где его пределы? // Кавелин К. Д. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. Этнография и правоведение. СПб., 1900. Стб. 829. Аналогичное суждение высказывал и немецкий правовед начала XX в. Г. Шварц, по мнению которого личные цели отдельного лица А «признаются заслуживающими правовой охраны не потому, что они цели А как личности, как самостоятельного субъекта права, а потому, что они считаются необходимыми, р а з у м н ы м и целями всего общежития» (Цит по: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 108).

ной цели одного субъекта противостоит необходимость считаться с личными целями других субъектов. Яркой иллюстрацией этого положения является французская легенда, рассказывающая о суде над человеком, который, размахивая руками, нечаянно разбил нос другому человеку. Обвиняемый, в оправдание, утверждал, что его никто не может лишить свободы размахивать своими собственными руками. Судебное решение по этому делу гласило: обвиняемый виновен, так как свобода размахивать руками одного человека заканчивается там, где начинается нос другого человека¹.

Подобная граница в осуществлении личных целей отражает то, что «выгодно не одному, а всем, на чем все могут сойтись»², т. е. уже не личный, а некий общественный интерес, понимаемый как разновидность социальной потребности, которая обусловлена объективным состоянием развития общества и направлена на «самосохранение и дальнейшее совершенствование общества»³. Будучи осознан и выражен в суждении, данный интерес становится целью – общественной целью, которая, как правило, воспринимается субъектом уже не как его личная («внутренняя»), а как некая «внешняя» цель.

Таким образом, можно говорить об одновременном существовании двух видов целей – личной (частной) и общественной (общей)⁴. В зависимости от того, какую из них мы будем иметь в виду при оценке действий субъекта, будут меняться и результаты такой оценки. Одно и то же действие, признанное целе-

¹ См.: Алексеев П. В., Панин А. В. Указ. соч. С. 424-425.

² См.: Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. С. 109.

³ См.: Алиева И. Д. Гражданско-процессуальная защита прав и охраняемых законом интересов других лиц по законодательству Российской Федерации. Дисс. ... к. ю. н. Махачкала, 2000. С. 29. По мнению И. А. Покровского, «подлинный общественный интерес» заключается в том, «чтобы всегда оперировать только с истиной» (См.: Покровский И. А. Право на честь // Вестник гражданского права. 1916. № 4. С. 30).

⁴ О видах целей см.: Казакевич Т. А. Указ. соч.; Чунаева А. А. Указ. соч. С. 116 и др.

сообразным с одной точки зрения, может быть признано нецелесообразным с другой. Аналогичная ситуация возможна и при оценке тех или иных действий с позиций личных целей различных субъектов.

Безусловно, что «индивидуальная установка» может и совпадать с «установкой коллектива»¹, либо с индивидуальными установками отдельных представителей последнего. В таком случае содержание целесообразности будет одинаковым. Но если чьи-либо частные цели расходятся с частными целями других участников гражданских правоотношений или с общими целями, то решение вопроса о том, какая из них должна быть принята во внимание, обретает принципиальное значение.

В механизме реализации права цель выступает в качестве необходимого элемента внутренней (субъективной) подсистемы механизма реализации нормы права, наряду с такими элементами, как интерес, мотив, воля и т. п.² и, следовательно, имеет субъективный характер. В то же время само право, определяя «рамки осуществления разнообразных интересов, составляющих содержание общественной жизни»³, отражает те цели и задачи, которые стоят перед обще-

¹ См.: Ошеров М. С., Спиридонов Л. И. Общественное мнение и право. Л., 1985. С. 57.

² См.: Чулюкин Л. Д. Некоторые вопросы цели в реализации социалистического общенародного права // Вопросы осуществления прав и обязанностей в развитом социалистическом обществе / Ред. В. В. Лазарев. Казань, 1983. С. 9.

³ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 35. Цель «правоположений», как отмечал Виншейд, и заключается в том, «чтоб определить, каким образом, на основании различных фактических предположений, образуются границы господства воли сталкивающихся между собою индивидов» (См.: Виншейд. Учебник пандектного права. Т. I. Общая часть / Пер. с нем., под ред. С. В. Пахмана. СПб., 1874. С. 60-61). Ср.: Правовое регулирование поведения людей – «определенное целенаправленное упорядочение последнего» (См.: Иоффе О. С. Юридические нормы и человеческие поступки // Сб. Актуальные вопросы советского гражданского права. Вып. 36. М., 1964. С. 12).

ством в целом¹. Последние не зависят от воли и субъективного усмотрения отдельного лица, т. е. являются объективными.

Очевидно, что принимая целесообразность за универсальный критерий оценки поведения субъектов, мы не можем руководствоваться субъективными факторами, ибо это не только не будет способствовать упорядочению общественных отношений, но и вообще поставит под сомнение объективный характер права, категорией которого выступает «разумность». Кроме того, чтобы пользоваться правовой защитой, личная цель не должна выходить за установленные законом рамки, ибо, как справедливо отмечал С. А. Муромцев, «что защищается правом, то не может быть противоправным»².

Таким образом, в области права целесообразность, положенная нами в основу разумности, следует рассматривать как соответствие действия субъекта только той его личной цели, которая не противоречит цели, выраженной в праве. Иными словами, целесообразность имеет в праве *субъективно-объективный характер*. Субъективный момент заключается в том, что целеполагание происходит на уровне сознания отдельного индивида; в том, что цель неразрывно связана с сознанием и волей субъектов юридической практики³. Объективный – в том, что целеосуществление допустимо только в установленных правом рамках.

¹ «Право есть система социальных целей, гарантируемых принуждением», – отмечал Р. Иеринг. (См.: Иеринг Р. Указ. соч. С. 180). Ср.: «Право, по своему существу, есть ни что иное, как общественная воля» (См.: Гредескул Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Социально-юридическое исследование. Харьков, 1900. С. 213).

² Муромцев С. О владении по римскому праву. С. 7. На необходимость «увязки» вопроса о цели, в частности, в обязательственных правоотношениях с теми целями, которые «даны, признаны и охраняются гражданским правом данной социальной формации» указывал и М. М. Агарков (См.: Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. I. М., 2002. С. 301).

³ См.: Шундикова К. В. Указ. соч. С. 36.

В свете рассматриваемого вопроса это значит, что с точки зрения права целесообразным (разумным) может быть признано не любое целевое действие, а лишь то, которое является правомерным. Однако присущий разумности признак «целесообразность» не только определяется, но и сам определяет специально-правовой признак разумности – правомерность. Определяющий (по отношению к правомерности) характер разумности заключается в том, что требование разумности как предписание, адресованное субъектам гражданских правоотношений, формулируется в виде оценочных понятий, в связи с чем для установления правомерности (либо неправомерности) того или иного явления (действия, цены, срока и т. д.) сначала необходимо установить содержание данного требования. Отсюда можно сделать вывод, что целесообразность как содержательный признак разумности в указанных случаях одновременно является и критерием правомерности.

Здесь же, принимая во внимание справедливое указание С. С. Алексеева на то, что «высшая социальная целесообразность по идее, в принципе выражена именно в законах, в нормативных юридических актах государства»¹, необходимо отметить, что целесообразность все же не сводится только к законности. Так иногда, в частности, при несовершенствах нормативных предписаний ставится вопрос о целесообразности самого закона и его применения: «Целесообразность каждого правила определяется пригодностью его к громадному большин-

¹ Алексеев С. С. Теория права. М., 1993. С. 191.

ству случаев, хотя в некоторых, сравнительно немногочисленных, случаях, оно окажется даже в противоречии со своею целью», – писал Г. Ф. Шершеневич¹.

В данной связи примечательна древнеримская юриспруденция, в которой, как известно, в качестве «идеального источника права», руководящего принципа для законодательства и правосудия выступало понятие *aequitas*. Ф. Шиллинг, анализируя это понятие в римском частном праве, выделял несколько его значений. В одном из них *aequitas* – одинаковое отношение к одинаковым случаям; в другом – дух и смысл права, который противопоставляется букве юридических норм; в третьем – «*Vernunftmässigkeit des Rechts*»², т. е. соответствие положительного права праву идеальному (*ius naturale* и *gentium*).

Особо ученым выделяется значение *aequitas* в применении к деятельности судьи – «*Vernunftmässigkeit in der Rechtspflege*» – «разумное взвешивание и принятие во внимание особых обстоятельств каждого случая или отношения при отправлении правосудия, и соблюдение правильного отношения между индивидуальностью подлежащего решению случая и духом применяемой к нему юридической нормы»³. С этой точки зрения целесообразность и законность рассматриваются как противостоящие друг другу принципы, которыми руководствуются субъекты применения нормативных предписаний⁴. Указанное про-

¹ Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности. Публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Казань, 1897. С. 16.

² *Vernunftmässigkeit* (от *Vernunft* – разум) – разумность; *Vernunftmässigkeit des Rechts* – разумность права.

³ Цит. по: Хвостов В. М. Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum* в римской юриспруденции. М., 1895. С. 282.

⁴ В зависимости от взглядов на соотношение указанных принципов в истории цивилистической мысли в общем можно выделить два «лагеря» ученых: мнение одних сводится к тому, что в случае противоречия закона целесообразности, следует руководствоваться последней. Это, прежде всего, сторонники так называемой школы «свободного права». И. А. Покровский в одной из своих работ очень образно критикует указанное течение. Называя правосудие ладьей, он пишет: «Все за борт, пусть только будет ладья легкой и подвижной! И все полетело за борт. Подхваченная ветром, ладья вынеслась далеко в безбрежное море и стала носиться по волнам. Но где мы, куда нас несет, и что будет, если впереди покажутся скалы? Сможем ли мы определить положение,

тивопоставление можно избежать, если рассматривать целесообразность как показатель не законности, а правомерности. Последние категории тесно связаны, но так же, как «право» и «закон», не являются тождественными. Их разграничение немаловажно в свете рассмотрения целесообразности как критерия разумности: содержание последней как оценочного понятия законом непосредственно не определено. Отсюда следует, что источником его (содержания разумности) определения выступают иные «слои» права (С. С. Алексеев), хотя и допускаемые, санкционируемые законом, но не сводимые к нему, в частности, правовой обычай.

В обоснование допустимости использования целесообразности, понимаемой как соответствие чего-либо связи вещей и явлений, в качестве признака гражданско-правовой разумности укажем, что такой подход позволяет говорить об объективном характере критерия рассматриваемой категории: т. к. в сфере гражданского права связь вещей и явлений – ни что иное как имущественный оборот (объективное правовое явление, не зависящее от субъективных представлений его участников), разумность, таким образом, означает способность действовать в соответствии с имущественным оборотом. Поскольку имущественный оборот в общем виде традиционно понимается как совокупность сделок¹, а последние несмотря на свое фактическое разнообразие могут быть све-

сможем ли мы задержать ладью и поворотить ее от опасного места? Увы, уже нет, ибо мы все выбросили вон – и компас, и якорь, и руль!» (Покровский И. А. «Прагматизм» и «релятивизм» в правосудии // Вестник гражданского права. 1916. № 3. С. 18). По мнению других, использование принципа целесообразности неприемлемо, т. к. «полно общественных опасностей». См., напр.: Пергамент М. Я. Памяти двух русских цивилистов (Энгельман и Шершеневич) // Вестник гражданского права. № 1. янв. СПб., 1913. С. 11.

¹ О гражданском обороте см.: Братусь С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад в ВИЮН) // СГиП. 1949. № 11. С. 71-71; Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот // Вопросы

дены к наиболее общим, типовым правовым конструкциям, представляется возможным определить разумность как соответствие действий субъектов той типичной модели гражданских правоотношений, под которую по своему характеру подпадает данное конкретное отношение (или действие). Отступление от указанных типичных моделей сопряжено с возможностью нарушения всей системы общественных связей¹ и, таким образом, с точки зрения этой системы подобное поведение должно быть оценено как нецелесообразное (следовательно, неразумное). Напротив, целесообразным (разумным) признается то, что ориентировано на ее сохранение, что соответствует ее потребностям и интересам.

Исходя из того, что каждая типичная модель гражданско-правовых отношений имеет свое целевое назначение², предлагается следующий порядок установления наличия разумности в данной конкретной ситуации. В тех случаях, когда закон связывает определенные правовые последствия с разумностью поведения субъекта, необходимо 1) определить, является ли его поведение правомерным. Ввиду отсутствия «конкретных составов» неразумных действий (В. С. Ем), сделать это можно путем 2) выявления характера действия субъекта, а именно его оценки либо как целесообразного, либо как нецелесообразного. Для установления целесообразности, в свою очередь, прежде всего, необходимо

гражданского, трудового права и гражданского процесса. Т. V. М., 1957. С. 3-28; Муромцев С. Гражданское право Древнего Рима. С. 47-48; Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. М., 2000. С. 287 и др.

¹ Так, М. М. Агарков, рассматривая категории целей в обязательственных правоотношениях, писал: «не следует думать, что каждое отдельное обязательство может служить лишь цели, относимой к одной из этих категорий»; «все цели... представляют собой в конечном счете некоторое *единство*». (Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. С. 303, 304).

² На этом основании принято, например, выделять обязательства, направленные на передачу имущества в собственность, обязательства по передаче имущества во временное пользование и т. д.

3) в общей массе типичных моделей гражданских правоотношений определить ту модель, которая более всего соответствует характеру данного конкретного отношения (или действия). Далее 4) следует выявить цель, присущую отношениям (или действиям) данного типа, т. е. тот правовой результат, который предусмотрен нормой¹, и наиболее эффективные способы его достижения (в числе таких типичных целей могут быть выделены, например: переход права собственности, получение (передача) вещи во временное пользование, предотвращение причинения вреда и др.). Заключительным «шагом» является 5) сопоставление реального поведения субъекта и указанной типичной цели, а также допустимых способов ее достижения. В том случае, если реальное действие субъекта достигает того правового результата, который предусмотрен нормой, т. е. соответствует такой «типичной» цели и достигается посредством допустимых правом способов, его следует признать целесообразным (и таким образом, правомерным), а на этом основании – разумным.

В качестве примера рассмотрим, каким образом должно применяться к субъектам гражданских правоотношений требование о необходимости органов юридического лица разумно действовать в интересах представляемого ими юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ). В данном случае перед нами – типичное отношение представительства, суть которого заключается в том, что действия одного лица (представителя) считаются действиями другого (представляемого) лица. Целевое назначение данной правовой конструкции – в возникновении

¹ Т. Я. Насырова справедливо отмечает, что субъекты могут преследовать различные цели и законодатель не в состоянии все их предусмотреть, в связи с чем он, регламентируя ту или иную деятельность, определяет цель как результат этой деятельности (См.: Насырова Т. Я. Телеологическое толкование советского закона: понятие, содержание и роль в юридической практике. Дисс. ... к. ю. н. Казань, 1985. С. 158).

прав или обязанностей у представляемого субъекта посредством совершения действий представителем. Соответственно, если действия последнего (в данном случае – органов юридического лица) направлены на достижение указанного правового результата, его поведение следует признать целесообразным и, таким образом, разумным. И напротив, если представитель действует либо с исключительным намерением при совершении сделки от имени юридического лица причинить ему вред, либо в своем интересе, с позиций рассматриваемого правоотношения целесообразным оно не будет.

В завершение заметим, что типичные модели правового поведения, через целевое назначение которых выводится нами критерий гражданско-правовой разумности, могут быть как непосредственно закреплены в позитивном праве, так и просто фактически сложится на практике. В данной связи проблема разумности в целом и вопрос об определении ее критерия, в частности, становятся, говоря словами виднейшего дореволюционного цивилиста И. А. Покровского, «лишь частными отголосками» других, выходящих за рамки исключительно гражданского права, вопросов (что есть «правовая практика» и кого следует отнести к числу «практикодателей»; вопрос о сущности гражданского оборота; проблема судейского усмотрения, а в конечном счете – профессионализма правоприменителей и др.). Вместе с тем, не претендуя на исчерпывающую разработку обозначенной вначале проблемы, надеемся, что и изложенные в настоящей статье положения могут способствовать решению ряда практических задач и дальнейшему цивилистическому изучению разумности.